

СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛА

27

№73 (1003) 04.10—06.10.2004 г.

НОВАЯ ГАЗЕТА

Писатель **Анатолий КОРОЛЕВ** — и наш автор, и один из тех писателей, за творчеством которых «Новая» следит давно и прилежно. И вот свежий повод — только что вышел в свет новый роман писателя «Быть Босхом» и только что попал в длинный список книг, выдвинутых на премию Букер-2004.

— Анатолий Васильевич, ваш роман впервые касается вашей биографии, откуда читатель узнает, что в юности вы за связь с диссидентами попали в солдатский лагерь на Урале. Почему вы вдруг решили об этом написать?

нева в развале армии. Только маразматика из тогдашнего Политбюро могли считать его врагом народа. Патриотизм генерала был вне всяких сомнений. Подпольная газета «Хроника текущих событий» была борьбой

иконописца и мастера алтарей без веры в реальность воскресения Христа невозможно. Иначе откуда набрать босховской горечи, что, мол, все, Иисус, было «напрасно». И моя самонадеянность была наказана — дальше черновых набросков работа не пошла.

Спустя годы я вернулся в свое прошлое, как и все, я охладил к художественному вымыслу. Потянуло к биографии. И вот парадокс: рассказав о том, как тогда не получился роман, и предьявив сегодня читателю осколки замысла, я как бы исполнил задуманное. Не написанный роман, оказавшись внутри моей дисбатов-

мобильными шинами. И такой же тяжкий, уродливый быт. Чтобы оценить своеобразие этой земли, надо вырастить третий глаз, а чтобы его вырастить, нужна красота. Замкнутый круг. Но выхода нет, надо как-то полюбить это уродство. Помню, я обожал котлы, где строители варили гудрон. Отломить блестящий лакированный кусок вара и жевать, пока не почернеют зубы и не склеится рот.

Тайный урок котла: перестань кусать, надо почернеть, нужно обуглиться.

Ничего специального для влюбления в эту реальность я не делал.

Напрасные усилия. Тут выручает только заговор

Анатолий КОРОЛЕВ:

Я не вынес из народной гущи ни одного нравственного урока

Разговор критика с прозаиком после выхода его биографического романа о Босхе и дисбате

Ольга ЧУМАЧЕНКО

— Раньше этот факт можно было выгодно использовать для своей литературной репутации. Я бы попадал в круг избранных правдолюбцев, борцов против режима, поближе к тем, кто сидел, к Солженицыну, например, или Довлатову. Но все, что отдает карьерой, мне как-то не по душе. Кроме того, я же не сидел, а надзирал. Ходил внутри солдатской зоны в погонах офицера. Наконец, никаким диссидентом я не был, а был, блин, эстетом! Анти-советская литература, которую мы читали с друзьями по университету, была, по большому счету, красно-советской. Историк Некрич анализировал причины крушения Советской армии в первые месяцы войны как страшный урок истории — для того чтобы эти ошибки не повторялись. Генерал Григоренко обвинял Бре-

за социализм с человеческим лицом. О капитализме из нас никто не помышлял.

Сегодня признание в том, что я был почти диссидентом, никому не интересно. Текст лишается политических фиг и начинает отбрасывать философские тени, а вот это уже мне интересно.

— В вашем новом романе есть две линии, биографическая и вымышленная: «мир дисбата» и «миры Босха», чья жизнь почти неизвестна и которую вам пришлось сочинять. Тридцать лет назад это были два полюса жизни: грезы художника и грязь зоны. Что изменилось, если сейчас эти два противостояния сплывились в одном романе?

— Роман о Босхе тогда не вышел и был брошен. Почему? Причин много. Одна из первых — мой тогдашний атеизм. Писать глубоко про средневекового

ской жизни, вдруг оказался закончен. Выходит, нужно было, чтобы всего лишь прошло время.

— Вы однажды писали, что ваше детство прошло в эстетически уродливом пространстве, в израненном, замусоренном мире. Что вы делали, чтобы одновременно полюбить его и одновременно противостоять ему же?

— Эта проблема стоит перед каждым городским провинциалом, особенно на Урале, где только маленький пятючок центра более или менее не уродлив, а все остальное лишено всякой привлекательности. Тут природа не приходит на помощь. Бесконечные пятиэтажки, пустыри, заваленные ржавым хламом, заводские окраины, шлак, крапива, ржавые радиаторы, комки колючей проволоки, дворы, где клумбы пытаются украсить вкопанными в землю старыми авто-

судьбы против участи, чудо, окрик спасения, Лазарь, выйди ко мне. И ты в слезах идешь из гробницы на свет с третьим глазом во лбу.

— Уникальность вашего романа «Быть Босхом» в том, что герой, молодой эстет, попав на самое дно жизни, в гущу экзков, абсолютно не меняется. Делает все, чтобы ни на йоту не измениться. Прежде в русской литературе считалось, что интеллигенту надо «брать уроки у жизни». Чему вы эстетически противостоите сегодня?

— Да, зона не научила меня решительно ничему хорошему. Я не вынес из народной гущи ни одного нравственного урока. Я не делал зла из чувства безразличности к злодеяниям и помогал слабым лишь по склонности характера. Сегодня этот же принцип «башни из слоновой кости» остается в силе.

Я стараюсь следовать идеальным проектам в литературе, то есть таким, какие не кормят писателя. Я упорствую в сочинении своей литературно-симфонической музыки, в написании непонятного, в производстве тайн, а не разгадок, чем насмерть озабочены, например, повара детективов. Словом, я постоянно рискую. Мои романы — «Эрон» при социализме или «Человек-язык» при капитализме — писались практически для себя, в ящик стола. Я не был уверен, что их удастся опубликовать. Да и опубликованное почти не читают. Почему я до сих пор не живу под забором — загадка.

● Елена ИВАНИЦКАЯ